

ЖИТИНКИН ОБУЛ ШЕКСПИРА В...

Краткая справка: Андрей Житинкин — 38 лет, режиссер Театра им. Моссовета. Вырос во Владимире, окончил актерский и режиссерский факультеты Театрального училища им. Щукина. Поставил спектакли: "Милый друг" (Театр им. Моссовета), "Поле битвы после победы..." (Театр сатиры), "Нижинский — сумасшедший божий клоун" и около 30 других. Устроитель бенефисов Гурченко, Ширвиндта, Полищук, Яковлева, Жженова...

Недавно, как только скандальный Житинкин приступил к работе над новым спектаклем, отовсюду сразу же начали раздаваться возмущенные вопли. Дирекция родного театра озвучена, не разобью ли им зрители все стекла и двери. Кто-то крутит пальцем у виска: "Зачем вы вообще взяли эту антисемитскую пьесу?" Но Андрею не привыкать: он давно внедряет на сцене собственное убеждение, что в театре не должно быть табу.

— На все вопросы я шутя отвечаю, что спектакль мы посвящаем Макашову. "Венецианский купец" — единственная пьеса у Шекспира, где проблемы антисемитизма поднимаются. Никогда нельзя смешивать вероисповедание и национальность — есть огромное количество негодяев и у евреев, и у русских. Но я знаю огромное количество евреев-христиан. Как замечательно сказал один раввин: "Бог един, поэтому что нам делить?"

В спектакле, как обычно, намечается звездный состав?

— В роли Шейлока у меня приглашенный актер, Михаил Козаков. Он будет читать и петь псалмы на иврите — его отлучка в Израиль не прошла даром. Вообще в спектакле участвуют блестящие актеры: Борис Иванов, Александр Ленков, Александр Домогаров, Евгения Крюкова... Я сделал мой любимый компот — перемешал старое и молодое поколение. Знаю театры, где старики совсем не общаются с молодежью, и это ужасно.

Неужели Козаков наконец-то решил изменить антрепризе?

— Видимо, иногда он ностальгирует по стационарному академическому театру. Тем более это очень давняя мечта Козакова — он мне показывал письмо Марку Захарову с просьбой, чтобы тот поставил для него Шейлока, на что Захаров иронично ответил, что, во-первых, ему трудно разобраться в этой проблеме, а, во-вторых, он никогда не ставил Шекспира и не имеет ключика к открытию этих пьес.

А вы, как волшебник, исполняете мечты артистов?

— Михал Михалыч вообще артист уникальный. Он уже знает свою роль наизусть, моя телефонная трубка разрывается оттого, что ночами он мне читает псалмы. Понятно, что он этим владеет, — мало кто из русских актеров может у нас работать на иврите. И если мы достигнем задуманных высот, то Козакова узнают не только как комедианто, но и как драматического актера.

Чем вы на этот раз будете удивлять зрителей?

— Наша история будет очень странная. Намекну только, что она будет перенесена в наше время и завязана на каких-то известных параллелях. Сценограф Андрей Шаров решил обуть всех героев в кроссовки, а на сцене будет настоящая Венеция и грандиозная сценография. Премьера "Купца" намечена на конец ноября.

И в декабре неугомонный Житинкин примется за новый спектакль?

— Я пытаюсь войти в кинематограф, потому что в театре мне уже тяжело даже самого себя удивлять, я чуть-чуть заскучал. В декабре начну ки-

нопроект — это будет такой эротико-мистический триллер. Главный герой работает в морге, и в трудовой книжке у него так и написано: "Санитар вскрывающий" — представляете? Я не могу рассказать сюжет, потому что связан тайной контракта.

Вы всегда работаете в таком плотном графике?

— У меня всегда все расписано на год вперед. Из кино я вынырну снова в театр — в антрепризу. Виталий Вульф подарил мне перевод пьесы "Голубая комната" — хит сезона, который с успехом прошел в Лондоне с Николь Кидман. Это история любви, и актрисе довольно сложно, потому что ей надо сыграть 10 разных женских судеб. А актеру предстоит сыграть 10 мужчин... Конечно, можно было бы взять 10 разных мужчин, это было бы тоже оригинально.

У вас уже есть кандидатура на главную роль?

— Было бы хорошо, чтобы это играла актерская пара — муж и жена, а то еще потом муж прибьет после премьеры. Когда я прочел пьесу, то понял, что это тот классический случай, когда неизвестная молодая актриса на следующее утро может проснуться знаменитой. Но для этого надо блеснуть, чтобы покорить театральную общественность, и ничего не бояться, потому что там много откровенных постельных сцен.

Не боитесь новых нападков возмущенной критики?

— Я же понимаю, что даю им работу — ведь о чем критикам еще писать? Больше всего в жизни я ненавижу пресные и скучные спектакли, и когда критики ломают копыя относительно того, что я сделал, — это приятно. Иногда, правда, актеры бывают в шоке: те, кто работает со мной первый раз, начинают сразу читать эти рецензии и расстраиваются.

Часто приходится убеждать актеров?

— Теперь, когда у меня аншлаги, с этим проще. Когда я ставил спектакли с ненормативной лексикой или "Калигулу", то актеры, с одной стороны, настроенно относились, а с другой — с любопытством, особенно наши мастера. Но я еще немножко психотерапевт, особенно во взаимоотношениях с актрисами... Сейчас мне важно в очередной раз сбить зрителей с толку и удивить их чем-то неожиданным. Вы ведь удивились, что Шекспира будут играть в кроссовках, но ведь все это оправдано психологически. А у артистов вообще шок, им сложно репетировать, они с трудом во все это въезжают...

Интересно, как относится руководство к вашим экспериментам?

— Открою секрет: пьеса "Нижинский — сумасшедший божий клоун" пролежала на полках Театра Моссовета два года — я никак не мог убедить дирекцию, что это будет кассовый спектакль. Поэтому у меня был даже какой-то спортивный интерес доказать это. А были такие разговоры: "Что ты издеваешься до Нижинского? Разве они знают, кто такой Жан Кокто?" На что я всегда отвечал: "Ну не знают — так узнают". Ведь когда-то же надо начинать.

Как обстоят дела с конкуренцией на режиссерском фронте?

— Почему-то никто не дышит сзади в затылок. Во всех столицах мира постоянно идет бешеная конкуренция среди режиссеров — кто быстрее успеет застолбить интересную идею, постановку или даже название. Ноंनाюющим очень сложно убедить актеров, особенно мастеров, и еще сложнее дирекцию потратить деньги на неизвестного режиссера. А очень бы хотелось искренне обладеть и увидеть, что кто-то сумел так нахулиганить в зале (в хорошем смысле), что тебе даже и не снилось.

Вы-то в свое время наверняка нахулиганили от души?

— Да, я был возмутителем спокойствия. Однажды в Париже, в Сорбонне, мы играли для студентов-славистов пьесу "Игра в журирки", целиком построенную на мате. Пришли старшекурсники с профессурой, стали смотреть: 10, 15 минут... Через 20 минут уже хохотал я: зрители не понимали, что же они изучали столько лет! 5 лет учили какой-то непонятный язык! Наш народ потрясающе талантлив — ни в одном языке мира нет такого количества ненормативной лексики, как в русском.

Где-то я прочтала, что за границей вы ломаете систему Станиславского. Это правда?

— Я не столько ломаю... Но ведь очень опасно, когда канонизируют любое учение. После моих семинаров в Бостоне три человека устроились на работу. Представляют, что значит получить на Западе профессию в искусстве? Огромное количество людей работают в других сферах, но надеются, что когда-нибудь выпрыгнут в кино или театре. В одном только Нью-Йорке 80 тысяч безработных. Легко представить, какая толпа была у меня на следующий день.

Когда же вы умудряетесь отдыхать?

— Мой отдых состоит в том, чтобы переключаться. Я и ставлю так много не потому, что такой всеядный, — просто я обожаю много работать и ловлю кайф оттого, что меняю картинку резко. Отрепетировав утром Мопассана, вечером, во время репетиции Шекспира, у меня в голове раздается щелчок, и я начинаю придумывать что-то для Мопассана. Поэтому же я люблю путешествовать — летаю по всему шару. В общем, я — человек планеты.

Мария КОСТЮКЕВИЧ.